

“ВЕЛИКАЯ ХОРВАТИЯ, НАЗЫВАЕМАЯ “БЕЛОЙ”...”:

к вопросу о происхождении и значении хорватских этнических названий

Древнейшими славянскими обитателями Прикарпатья, чью племенную принадлежность сегодня удастся идентифицировать, были хорваты. Современные лингвистические исследования особенностей словообразования восточнославянских этнонимов показывают, что самым древним их слоем были названия, образованные без использования каких-либо суффиксов. Такие названия встречаются в разных зонах славянского расселения: *север, сербы, дулебы*. К их числу относятся и *хорваты*. Это первичные славянские этнонимы, процесс образования которых произошел еще до начала широкомасштабного расселения славян, т. е. до VI – VII вв.¹

О существовании прикарпатских хорватов известно по нескольким сообщениям письменных источников, в основном содержащим лишь отдельные краткие упоминания. Трижды о них сообщается в Повести временных лет; о “белых хорватах” и “Великой Хорватии” говорит византийский император Константин Багрянородный в трактате “Об управлении империей”; хорваты упомянуты в Пражском Привилегии 1086 г., труде польского хрониста Винцентия Кадлубка, “Орозии” англосаксонского короля Альфреда Великого и некоторых других средневековых памятниках².

1. “Белые хорваты” Константина Багрянородного

Наибольшую осведомленность в вопросах происхождения и ранней истории хорватов проявляет Константин Багрянородный,

¹ Хабургаев Г. А. *Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза*. Москва 1979, с. 229; Агеева Р. А. *Страны и народы: происхождение названий*. Москва 1990, с. 19.

² Анализ письменных известий о хорватах см.: Войтович Л. “Білі” хорвати чи “карпатські” хорвати? *Миколаївщина*. Зб. наук. ст. Т. 1. Відп. ред. Л. Войтович. Львів 1998, с. 49-79.

сведения которого, несмотря на некоторую их сбивчивость и несогласованность, содержат основную информацию о местах проживания, отношениях с соседями, военном потенциале и локальных группах этого этнического образования. Свой анализ письменных свидетельств о хорватах мы и начнем с известий византийского императора.

Разнообразные сведения о хорватах помещаются в нескольких главах трактата “Об управлении империи”. В 30-ой главе “О феме Далмация”, где изложена история завоевания Далмации сначала аварами, а затем славянами, в частности читаем:

“Хорваты же жили в то время (во время аварского завоевания Далмации. – *А. М.*) за Багиварией (Баварией. – *А. М.*), где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделясь от них, а именно – пять братьев: Клука, Ловел, Косендис, Мухло и Хорваг и две сестры, Туга и Вуга, – вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом – и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться...”³

Прочие же хорваты остались в Франгии (империи франков. – *А. М.*) и с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”, имеющими собственного архонта. Они подвластны Оттону, великому королю Франгии (иначе – Саксии) и являются нехристиами, вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками (венграми. – *А. М.*)...⁴

В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране...”⁵

Эти сведения могут быть дополнены данными 31-ой главы “О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время”:

“[Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”,

---

³ Константин Багрянородный. *Об управлении империей*: текст, перевод, комментарий.

Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва 1989, с. 131.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 131-133.

которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами – некрещеными сербами. [Имя] хорваты на славянском языке означает “обладатели большой страны”. Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян... Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне...⁶

[Знай], что Великая Хорватия, называемая “Белой”, остается некрещеной до сего дня, как и соседние с нею сербы. Она выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок, и пачинакитов. Она не обладает ни длинными судами, ни кондорами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, – путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется “Черным”⁷.

Оценке письменных известий о хорватах, среди которых главными, безусловно, выступают свидетельства Константина Багрянородного, посвящена обширная литература⁸. Историки в большинстве своем, хотя и признают наличие в рассказе византийского императора некоторых внутренних противоречий и несоответствий с данными других источников, сходятся на том, что сведения его в целом достоверны и отражают реальную картину расселения и ранней истории хорватских племен в Центральной Европе. То же самое следует сказать и о сообщаемых Константином сведениях о “белых хорватах”, которых в полном соответствии с показаниями источника относят к общему хорватскому

⁶ Там же, с. 135-137.

⁷ Там же, с. 141.

⁸ Историографию вопроса см.: Niederle L. *Slovanské starožitnosti*. Praha 1906, d. 2, sv. 1, s. 250-261; Łowmiański H. *Początki Polski*. Warszawa 1964 t. 2, s. 114-130; Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature. *Diadora*, 1992, t. 14, s. 375-443.

массиву: “белые хорваты” являлись его составной частью, одной из локальных племенных группировок внутри хорватского этноса⁹.

Между тем, как нам представляется, вопрос этот не столь однозначен и требует дополнительного изучения. Серьезные сомнения в точности и достоверности известий Константина о “белых хорватах” и “Белой Хорватии” высказывают не только историки, но также филологи и археологи. Еще Ф. Рачки, указав на многочисленные неточности и противоречия в рассказе о приходе хорватов на Балканы, пришел к выводу, что сведения о белых хорватах, как и само это наименование, вообще получены византийским императором из недостоверных источников, имеют баснословный характер¹⁰.

Отказывался признавать реальными историческими образованиями как Белую Хорватию, так и Белую Сербию, В. Ягич. По его мнению, обе они являлись вымышленными или “фантастическими странами” (Phantasieländer), существующими только в труде Константина, возникшими, благодаря тому, что последний или его информаторы что-то услышали о чешских хорватах и

---

⁹ Marquart J. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh.* Leipzig 1903, s. 129-139; Нидерле Л. *Славянские древности*. Москва 2000, с. 76-78; Hauptmann Lj. *Dolazak hrvata. Zbornik kralja Tomislava*. Zagreb 1925; Hrubý V. *Původní hranice biskupství pražského a hranice říše české v 10. století. Časopis Matice Moravské*, 1926, t. 50, s. 95 i n.; Третьяков П. Н. *Восточнославянские племена*. Москва; Ленинград 1948, с. 252; Lewicki T. *Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie Al-Masudiego. Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności*. Kraków 1948, s. 24-34; Dvornik F. *The Making of Central and Eastern Europe*. London 1949, p. 268-297; Королюк В. Д. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке. *КСИС*, 1952, № 9; Бліфельд Д. З. Утворення Київської Русі. *Нариси стародавньої історії Української РСР*. Київ 1957, с. 357; Labuda G. *Chorwacja Biała. Słownik strożności slawiańskich* (далее – SSS). Wrocław; Warszawa; Kraków 1961, t. 1, sz. 2, s. 255-256; Lowmiański H. *Początki Polski*, t. 2, s. 130-200; Gaczyński J. *Zarys dziejów plemiennych Małopolski. Rocznik Przemyski*. Przemyśl 1968, t. 12; Мавродин В. В. *Происхождение русского народа*. Ленинград 1978, с. 78; Войтович Л. 1) Слідами білих хорватів. *Літопис червоної калини*. Львів 1993, № 5-6, с. 2; 2) “Білі” хорвати чи “карпатські” хорвати? *Миколаївщина*. Зб. наук. ст. Т. 1. Відп. ред. Л. Войтович. Львів 1998, с. 50.

¹⁰ Rački Fr. *Biela Hrvatska i biela Srbija. Rad Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti*. Zagreb 1880, t. 52.

лужицких сербах и, основываясь на этих слухах, создали версию о двух больших прикарпатских державах хорватов и сербов, в действительности никогда не существовавших¹¹. К подобному выводу позднее пришел еще один известный исследователь славянских древностей А. Брюкнер¹².

Новейшие археологические материалы как будто подтверждают этот пессимистический вывод. Опираясь на данные археологии, В. В. Седов полностью отвергает существовавшие ранее в литературе и основанные преимущественно на сообщениях Константина Багрянородного исторические реконструкции Великой и Белой Хорватии (в частности получившие самое широкое признание построения Л. Нидерле и Ф. Дворника). “Эти гипотетические построения, – пишет современный исследователь, – ныне представляют чисто историографический интерес, поскольку не находят никакого подтверждения в археологических материалах. На основании последних можно со всей определенностью утверждать, что хорваты начали свою историю в антской среде, оттуда расселились на запад и, разделившись на несколько групп, осели в разных местностях раннесредневековой славянской территории”¹³. В теории В. В. Седова, как видим, вообще не остается места для каких-либо особых этнополитических образований хорватов, объединявших весь этот этнос в период, предшествовавший его разделению на отдельные локальные группировки в процессе славянского расселения.

При всей категоричности, суждения В. В. Седова страдают односторонностью. Полностью отвергая сведения византийского источника, он тем самым игнорирует сообщаемые им факты относительно характера расселения хорватов, осваивавших новые территории в результате военных побед над их прежними обитателями, в частности победы над аварами в Далмации. Между тем, такие факты не могут быть полностью устранены или пересмотрены. Значит, как бы то ни было, хорваты прибыли в Центральную Европу не слабо организованной массой пе-

¹¹ Jagič V. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen. *Archiv für slavische Philologie*. Berlin 1895, t. 17, s. 47-48.

¹² Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródłowej. *Slavia*, 1924–1925, t. 3, s. 209-211.

¹³ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье*. Москва 1995, с. 326.

реселенцев, спасающихся от вражеского нашествия, а, напротив, имели достаточно сильную в военно-политическом отношении организацию, дававшую им определенные преимущества перед другими народами в борьбе за новые территории.

Подобные аргументы приводил еще Л. Нидерле, высказываясь по поводу негативизма выводов В. Ягича: “Что касается меня, то традиции о Великой или Белой Хорватии на севере и о Белой Сербии я не счел бы лишь порождением фантазии византийцев. Хорваты и сербы пришли на юг как сильные племена, следовательно, покидая Прикарпатье, они представляли значительную силу”¹⁴. Эти предположения подтверждаются и сообщением Константина Багрянородного о том, что “белые хорваты” имеют “собственного архонта”, в чем можно видеть указание на политический характер их объединения.

Нам представляется, что решение проблемы “белых хорватов” невозможно без дальнейшего анализа, прежде всего, текста известий Константина Багрянородного, который был и остается главным и незаменимым источником в данном вопросе.

2. О смысловых взаимосвязях предикатов великий и белый этнических и географических названий

Сопоставляя данные, сообщаемые византийским императором в 30-ой и 31-ой главах его трактата, можно заключить, что к середине X в. (когда велась работа над этим произведением) территория, которую занимали “белые хорваты” совпадала с территорией “Великой Хорватии”. Константин Багрянородный употребляет названия *Великая* и *Белая Хорватия* как взаимозаменяющие друг друга и указывающие на один и тот же предмет: “Великая Хорватия, называемая “Белой””.

Вместе с тем, из показаний источника явствует, что “белые хорваты” (“белохорваты”) – новое племенное название, вторичное по отношению к “хорватам” и “Великой Хорватии”: “Хорваты же жили... за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты”. Это новое название относится к тому же хорватскому этносу, точнее говоря, – к той части хорватских племен, которая осталась на прежнем месте после переселения

---

¹⁴ Нидерле Л. *Славянские древности*, с. 77-78.

другой части хорватов в Далмацию: “Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами””.

Из приведенных известий также следует, что “Великая Хорватия” – это исконное название хорватского племенного объединения, изменившееся только после того, как часть хорватских племен переселилась в Далмацию. Но чем непосредственно было вызвано изменение названия? Средневековый автор обходит этот вопрос стороной, и именно в этой части имеются наибольшие основания заподозрить сведения Константина в недостоверности.

Появление нового племенного названия хорватов, о котором свидетельствует Константин Багрянородный, представляет большую научную проблему, к решению которой обращается уже не одно поколение исследователей, прежде всего филологов. Как показывает лингвистический анализ, название “белые хорваты” в той форме, какой оно фигурирует у византийского автора, – вообще нехарактерно для славянских языков; его реалистичность не может быть доказана с точки зрения научных данных о словообразовании подобных славянских названий. Поэтому выражение “белохорваты” представляется “ученым образованием” самого Константина, которое никогда не принадлежало “живому народу”¹⁵. Эта констатация может быть подкреплена также тем фактом, что соответствующей “белым хорватам” цветосимволической противоположности, такой как “черные хорваты”, очевидно, никогда не существовало¹⁶.

При употреблении названий “белые хорваты” и “Белая Хорватия” почти в виде устойчивой формулы повторяются две пары определений: “белые” – “некрещеные” (“хорваты... происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”” – гл. 31), а также “белая” – “великая” (“Великая Хорватия, называемая “Белой”” – там же). Один раз встречается и более распространенная цепь определений “белая” – “некрещеная” –

¹⁵ Skok P. Die Ortsnamenstudien zu “De administrando imperio” des Kaisers Constantin Porphyrogenetos. *Zeitschrift für Ortsnamenforschung*, 1929, t. 4, s. 241.

¹⁶ Ludat H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen. Ein Beitrag zu asiatisch-osteuro-päischen Kulturbeziehungen. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. München 1953, t. 4, Heft. 2, s. 153.

“великая” (“Великая Хорватия, некрещеная, называемая также “Белой”” – гл. 32). Из этого получается, что понятия *белые(ая) – некрещеные(ая) – великие(ая)* в отношении хорватов и Хорватии находятся у Константина в тесной смысловой взаимосвязи. Какую общую характеристику сообщают в итоге названные определения изучаемому предмету?

Специальные исследования в области происхождения и значения цветовой символики этнических названий показали, что предикаты типа “белый(-ая, -ое)”, участвующие в образовании таких названий, могут иметь значение локатива (местного падежа). С точки зрения смыслового содержания определение “белый” относится к той системе цветовых обозначений, которая связывается с ориентированием по сторонам света¹⁷. Одной из наиболее известных в мировой истории космологических цветовых систем, получившей распространение почти по всей Евразии в эпоху раннего средневековья, является система, восходящая к древнекитайской цветовой символике. Основными цветовыми обозначениями сторон света в этой системе были белый, черный и красный. Черный и красный соответствовали северу и югу, а белый указывал на запад (западное направление) и применялся для обозначения географических объектов, расположенных на западе¹⁸.

Цветосимволические представления древних китайцев, ставшие культурным достоянием многочисленных азиатских кочевников, со времен Великого переселения народов были распространены далеко за пределами Китая, вплоть до Малой Азии, Африки, Восточной и Центральной Европы. Этому процессу более всего способствовали завоевательные вторжения гуннов, авар, тюрков и монголов. С завоеваниями последних некоторые исследователи связывают, в частности, появление названий “Белая”, “Черная” и “Червонная Русь”¹⁹.

---

¹⁷ О происхождении и различных модификациях этой системы см.: Иванов В. В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии). *Балто-славянские исследования*. 1980. Москва 1981.

¹⁸ Županić N. Značenje barvnega atributa v imenu Crvena Hrvata. *Etnolog. Glasnik Slovenskega etnografskega muzeja*. Ljubljana 1937–1938, t. 10/11; Ludat H. Farbenbezeichnungen, s. 154.

¹⁹ Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś. *International Journal Slavic Linguistics and Poetics*. 1975, vol. 19, № 2.

Однако следует учитывать, что связанная с китайской космологией система цветовых обозначений, которую иногда квалифицируют как общеевразийскую, не может считаться универсальной. Наряду с ней действовали и другие, имеющие происхождение в совершенно иной культурно-исторической среде²⁰. Кроме того, даже в рамках общеевразийской традиции нередкими были случаи использования других цветов – желтого или синего – как раз для обозначения востока, не говоря уже о наличии в Центральной и Южной Азии совершенно иных систем географических цветовых обозначений²¹. Наконец, в виду постоянных миграций древних кочевников, появления новых завоевателей, названия, которыми они пользовались, могли смещаться в географическом пространстве, нарушая свой изначальный порядок²².

Предикат “великий(-ая, -ое)” в составных названиях, по-видимому, также мог иметь значение локатива. Это могло произойти в том случае, когда определения “великий” или “большой” выступали в значении ‘старый’ и подразумевали старшее племенное образование или прежнее местопребывание племени (народа). Связь понятий *старый* и *большой* доказывается этимологическими исследованиями. Общеслав. **starъ(-a, -o)*, **starъjъ(-aja, -oje)* находит многочисленные параллели в индоевроп. языках, сближается, в частности, с др.-исл. *stórr* – ‘большой, сильный, важный, мужественный’²³ и возводится к индоевроп. основе **star(o)-* – ‘большой’²⁴.

Такая же связь понятий *большой* и *старый/старший* прослеживается во многих европейских языках – романских и германских. Как показывают наблюдения Г. Кунстманна, в

²⁰ Иванов В. В. *Цветовая символика...*; Агеева Р. А. *Страны и народы...*, с. 147-149.

²¹ Pritsak O. *Orientierung und Farbsymbolik. Saeculum*, 1954, t. 5, s. 376-383; Nowatny K. A. *Beiträge zur Geschichte des Weltbildes. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*. Wien 1969, bd. 17; Knobloch I. *Sprache und Religion. Heidelberg*, 1979, bd. 1, s. 18-22.

²² Суперанская А. В. Терминологичны ли цветовые названия рек? *Вопросы географии*. Москва 1970, вып. 81.

²³ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург 1996, т. 3, с. 747.

²⁴ Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Москва 1994, т. 2, с. 199.

латинской практике выражения *magnus, maior, maximus* употребляются не только для обозначения роста, размера или количества, но также и возраста. С этой традицией, являющейся обще-европейской, находятся в связи нл. *groothere, grootvrouwe*; фр. *grand-puère, grand-muère*; engl. *grandfather, grandmother*. К ней восходят и позднейшие нем. *Großvater, Großmutter*. Связь понятий *большой* и *старший* запечатлена в принципе майората, применявшемся в феодальном праве при определении преимуществ для рожденного первым²⁵.

Если “белые хорваты” и “великие хорваты” у Константина Багрянородного в территориальном отношении выступают как тождественные понятия, так как относятся к одному и тому же региону проживания хорватских племен, то, значит, локативы “белый” (“расположенный на западе”) и “великий” (“старый”) в рассматриваемом случае также должны образовывать смысловое тождество. Исходя из этого умозаключения, некоторыми исследователями выдвинут целый ряд гипотез, связывающих названия “белые хорваты” и “Белая Хорватия” с обозначениями старого места поселения хорватских племен, откуда потом произошло их расселение на новые территории, и помещали это место в западных частях известного ныне ареала проживания хорватов²⁶. Смысловое тождество *старые хорваты* = *западные хорваты*, в частности, выступает одним из важных аргументов для локализации Белой Хорватии Константина в районах северо-восточной Чехии²⁷.

Искусственность подобных построений, на наш взгляд, очевидна. Конструируя гипотезы о расположении старой области

---

²⁵ Kunstmann H. Wer waren die Weißkroaten des byzantinischen Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos? *Die Welt der Slaven*. München 1984, jg. 29, hft. 1, s. 115.

²⁶ Manojłowić G. Studije o spisu “De administrando imperio” cara Konstantina VII Porfirogenita. *RJAZU*, 1911, t. 136; Modelski T. Z onomastyki i terminologii średniowiecznej. *KH*, 1920, 34; Županić N. *Značenje barvnega atributa...*; Ludat H. *Farbenbezeichnungen...*

²⁷ Westberg F. *Ibrahim ibn Jakubs Reisebericht über die Slavenlande aus dem Jahre 965*. SPb 1898, s. 99 f.; Marquart J. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, s. 119 f., 129-139; Chaloupecký V. *Staré Slovensko*. Bratislava 1923, s. 31; Widajewicz J. *Państwo Wiślan*. Kraków 1947, s. 13-30; Labuda G. *Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona*. Poznań 1949, s. 194.

проживания хорватов на западе, их авторы смешивают совершенно разные по характеру системы обозначений местности, которые существуют независимо друг от друга и поддерживаются различными культурно-историческими традициями. Локативы “великий” и “белый” могут быть сопоставимы и восприниматься в качестве однопорядковых явлений только как грамматические единицы, но такого сопоставления не достаточно для историко-этнографического исследования.

Локатив “великий” в значении “старый” должен был возникнуть в индоевропейской этноязыковой среде (смысловое тождество *старый* = *большой*, как мы видели, фиксируется в индоевропейских языках). Ис этой точки зрения мало убедительной представляется связь его с принесенными из Китая космологическими цветовыми обозначениями. Но даже если допустить, что в случае с хорватами произошло подобное соединение, явившееся следствием, например, аварского вторжения в Европу и завоевания ими части славянского населения, смысловая связь понятий “белый” и “старый” окажется совершенно иной, нежели у Константина.

Как показывают этнографические данные, в славянской народной традиции действительно существует определенная связь понятий, выражающих цвет и возраст: в символической сфере корреляция *белый* – *черный* иногда может входить в эквивалентный ряд с парами *молодой* – *немолодой* (*старый*)²⁸. Но при этом устанавливается совсем иное соотношение: белый цвет соответствует молодости. Так, в похоронной обрядности различных славянских народов: белый цвет в качестве цвета траура использовался при похоронах малолетних детей, юношей и девушек, молодых женщин и мужчин. Для нашего исследования важно, что подобный обычай зафиксирован у хорватов (в Северной Далмации). Во время похорон девушки или парня перед траурной процессией несли белый флаг, а участвующие в ней девушки были в белых одеждах²⁹.

Следовательно, в славянской народной традиции, известной современной науке, белый цвет, если и мог иметь какую-то связь

²⁸ Толстой Н. И. Белый цвет. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5-ти тт. Под ред. Н. И. Толстого. Москва 1995, т. 1, с. 151.

²⁹ Там же, с. 153.

с возрастом и возрастными категориями, то должен был символизировать не старость, а, скорее, наоборот, молодость и юность. С этой точки зрения толкование названий “белые хорваты” и “Белая Хорватия” как обозначений старого места проживания хорватских племен и старых хорватов также выглядит неубедительно.

Даже те историки, которые доказывали подлинность названий “белохорваты” и “Белая Хорватия”, распространенных монголами или еще ранее аvaraми для обозначения западной части завоеванных ими земель, были вынуждены признать, что эти изначально чуждые славянам названия не были восприняты последними и канули в небытие вместе с завоевателями³⁰.

3. *Βελοχρῶβατοι* и *Velochroboti*: особенности передачи иноязычных названий в греческом написании

Предпринимались и другие попытки филологического объяснения происхождения названий “белые хорваты” и “Белая Хорватия” Константина Багрянородного. К примеру, согласно гипотезе П. Скока, первая часть составного названия (*βελο-*) выводится от имени *Elbe/Albis* (= *albus*), потому что исходное место поселения хорватов (как и сербов/сорбов) располагалось в области реки Эльбы³¹.

Все подобные предположения, вне зависимости от степени их аргументации, лишний раз свидетельствуют в пользу уже сделанного вывода об искусственности употребляемого Константином новообразования “белые хорваты”, для объяснения которого требуются столь же искусственные ученые построения. Ясно, что при употреблении этого названия византийским императором или его информаторами были использованы неверные сведения или допущено какое-то искажение реальной славянской лексической формы, приведшее к возникновению нового этникона, неестественного для славянской этноязыковой среды, не только с точки зрения семантики, но и морфологии.

Несколько неестественно выглядит этникон “белые хорваты” и в греческом тексте Константина, где наряду с обозначением *Βελοχρῶβατοι* (“белохорваты”, “белые хорваты”) также

³⁰ Županić N. *Značenje barvnega atributa...*

³¹ Skok P. *Die Ortsnamenstudien...*, s. 241 f.

фигурирует название Βελοχρωβατια (“Белохорватия”, “Белая Хорватия”). Поскольку у византийского императора в связи с белыми хорватами далее указывались также белые сербы, следовало бы ожидать употребления аналогичных составных по форме названий и в отношении последних. Однако в 32-ой главе читаем: “...сербы происходят от некрещенных сербов, именуемых также белыми”. Составной формы с *бело-* в данном случае, как видим, не возникает. Выражения Βελοχρωβατοι и Βελοχρωβατια не находят необходимых грамматических соответствий даже у самого Константина.

На наш взгляд, заслуживает серьезного внимания предположение, высказанное впервые П. Скоком и поддержанное в дальнейшем другими исследователями, согласно которому, император или его информаторы в случае с “белохорватами” могли не различить слав. *běl-* и *vel-*. Это недоразумение легко объясняется как обычный для греческой практики бэтаксизм, когда согласные *b* и *v* в иноязычных выражениях передавали при помощи греч. *b*. Таким образом, Константин легко мог спутать слав. *běľ-* (“белый”) и *velb-* (“великий”) и на этом основании дать два перевода – βελο- и αβροι³².

Исходя из факта взаимозаменяемости в греко-византийских текстах согласных *b* и *v*, С. Роспонд пришел к более решительному выводу, что название Βελοχρωβατοι в трактате Константина правильно должно читаться как *Velochrobati*, а буквальное его прочтение – *Belochrobati*, *белохорваты* – неправомерно. При этом исследователь считает, что этноним Βελοχρωβατοι выступает у византийского автора в качестве обозначения жителей прародины хорватов, “первоначальной, материнской Хорватии” (*mieszkańcy pierwotnej, macierzystej Chrobacji*)³³.

Г. Кунстманн, также принявший эту версию, усиливает ее дополнительными аргументами. Славян. *Velochrobati* которое Константин мог передать как Βελοχρωβατοι грамматически связано с прилагательным *velii(-ija, -ije) < *velijь* или **velijьb*). В

³² *Ibid.*

³³ Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich. II. *Rocznik slawistyczny*. Wrocław; Warszawa; Kraków 1968, t. 29, cz. 1, s. 26.

современных славянских письменных языках такая форма представлена очень слабо, тогда как в древнейших памятниках наряду с *velikъ (с общим корнем **vel-*) является общераспространенной. Следовательно, соответствующее заимствование названий, образованных от **veli(jb)* должно было произойти в древности, т. е. до того, как *velijъ* в ходе последующей эволюции было вытеснено *velikъ*³⁴.

Этот процесс вытеснения у отдельных славян протекал по-разному, но можно считать, что именно в южнославянской языковой группе *velii* сохранялось дольше, так как до настоящего времени остается в качестве диалектного реликта или периферийного лексического архаизма; не редкими является также образования с *vel-* в южнославянской топонимике³⁵. Сказанное подтверждает возможность производства греч. Вело именно от южнослав. *velii*.

Правда, как отмечает Г. Кунстманн, Вело- Константина грамматически более соответствовало бы слав. *velъ-*, поскольку греч. -о соответствует слав. -ъ, а слав. полугласная -ь в греч. передается с помощью -ε. В имеющемся случае нужно было бы ожидать не Вело-, а Велε-³⁶. Однако, как было доказано еще М. Фасмером, приведенное выше правило соответствия -ъ, -ь // -о, -ε имеет слишком много исключений, и поэтому невозможно с абсолютной надежностью установить отличия в греческом употреблении славянских полугласных³⁷.

Решающим для всей проблемы Вело- // *velъ-* аргументом, с точки зрения Г. Кунстманна, является тот подтверждающийся многочисленными примерами факт, что в греческом языке очень старый композиционный суффикс -ο в сложных названиях должен был иметь дополнительное преимущество при образовании составных форм с Вело- или *μευλο-*³⁸. С этим доводом можно согласиться.

Итак, приведенные выше результаты лингвистических наблюдений показывают, что употребляемое Константином

³⁴ Kunstmann H. *Wer waren die Weißkroaten...*, s. 114.

³⁵ Zareba A. Zur Geschichte und Geographie der slavischen Wörter *velijъ, *velikijъ groß. *Die Welt der Slaven*. München 1976, jg. 21.

³⁶ Kunstmann H. *Wer waren die Weißkroaten...*, s. 114.

³⁷ Vasmer M. *Die Slaven in Griechenland*. Berlin 1941, s. 278 f.

³⁸ Kunstmann H. *Wer waren die Weißkroaten...*, s. 114.

Багрянородным название *Βελοχρωβατοι* вполне могло возникнуть в результате обычной практики трансформации иноязычных названий в греческом написании и в славянском оригинале могло иметь вид *Velochrobati* или, возможно, *Velii Chrobati* – ‘великохорваты, великие хорваты’. Следовательно, в действительности могло существовать только одно этническое название хорватов и соответствующее ему название их страны – *Великая Хорватия*, – представленное в трактате византийского императора в качестве исходного (“Великая Хорватия, называемая “Белой””).

В пользу такой версии может свидетельствовать и предлагаемое самим Константином своеобразное этимологическое объяснение названия *хорваты*. “[Имя] хорваты, – читаем в 31-ой главе трактата, – на славянском языке означает “обладатели большой страны””.

Данная “этимология”, как видим, полностью соответствует исконному названию этноса (“великохорваты”) и принадлежавшей ему страны (“Великая Хорватия”). Понятие *большая* или *великая страна* является здесь своего рода смысловым эквивалентом этнонима “хорваты”. Такая этимологизация, вне зависимости от того, была ли она отражением подлинной хорватской традиции или возникла в результате филологических изысканий самого Константина, показывает, что этноним “хорваты” настолько прочно связывался с понятием “великие”, что это последнее подразумевалось даже тогда, когда этноним употреблялся в простой (без локатива) форме.

С точки зрения такого исходного значения этнонима “хорваты” новообразование “белохорваты” также выглядит искусственным и не имеющим необходимых связей в славянской этноязыковой среде.

Впрочем, гипотеза, предлагаемая П. Скоком, С. Роспондом и Г. Кунстманном, имеет, как нам представляется, и существенный недостаток. Она удовлетворительно объясняет происхождение выражения “белохорваты”, как возникшего в результате возможной ошибки при передаче подлинного славянского этнонима в греческом написании. Однако, наряду с этим названием Константин Багрянородный употребляет и его эквивалент в значении хоронима – “Белая Хорватия”. Причем византийский автор не просто приводит в греческой транскрипции очередное славянское название, а делает

его перевод: “Великая Хорватия, называемая “Белой”” (η μεγάλη Χρῳατία, η και ασπρη επουομαζομενη).

Хороним “Белая Хорватия”, очевидно является производным от этнонима “белохорваты”, который также подвергается у Константина соответствующей “расшифровке”: хорваты “называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”” (Βελοχρῳατοι, ηγουν ασπροι Χρῳατοι). Следовательно, греч. Βελο- в названии Βελοχρῳατοι византийский автор воспринимал как равнозначное слав. *běly-* (‘белый’).

Отсюда в свою очередь следует, что название “Белая Хорватия” не может являться лишь результатом какой-то случайной механической ошибки. В данном случае подобного объяснения совершенно недостаточно. Если “Белая Хорватия” Константина и могла возникнуть по недоразумению, то нужно думать, что это название было переосмыслено и преобразовано автором в соответствии с имеющимися у него географическими или иными представлениями.

Для византийской историографии вообще характерно весьма вольное обращение с этническими и этнополитическими названиями, используемыми для обозначения соседних народов и стран. Исследователи отмечают нечеткость и сложность этнической терминологии византийских авторов, на производство и применение которой существенное влияние оказывали их собственные этногеографические, политические и религиозные представления, а также недостаток осведомленности³⁹.

Кроме того, византийские писатели нередко сознательно избегали подлинных этнических наименований, объясняя это нежеланием “осквернять” повествование употреблением “варварских имен и названий”⁴⁰. Достоверные этнические термины и самоназвания народов встречаются только в византийских актах и легендах печатей, в нарративных источниках они крайне редки.

---

³⁹ Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Berlin 1958, t. 2, s. 1-3; Tăpkova-Zaimova V. Quelques remarques sur les noms ethniques chez les auteurs Byzantins. *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest 1968, p. 403-405.

⁴⁰ Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография*. Отв. ред. В. Д. Королук. Москва 1976, с. 216.

этнонимами в строгом смысле слова”, это – в значительной мере искусственные новообразования, возникшие в соответствии с вековыми традициями этикетных норм словоупотребления, которые “включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик”⁴¹.

Особую роль в производстве византийской этнической номенклатуры играл религиозный фактор: в качестве этнонимов нередко использовались обозначения, указывающие на конфессиональную принадлежность – к римскому католицизму, исламу или язычеству, – причем такие обозначения могли применяться наряду с собственными этническими названиями⁴².

В этой связи важно вспомнить, что наряду с предикатами *великая* и *белая* Константин сообщает Хорватии еще одно определение – *некрещеная*: “Великая Хорватия, называемая “Белой”, остается некрещеной до сего дня, как и соседние с нею сербы”. Такое определение не является случайным. Оно еще несколько раз применяется автором в отношении белых хорватов: “Прочие же хорваты... с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”... и являются нехристиами...”; “хорваты... происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”, которые... граничат со славянами – некрещеными сербами”.

Связь предикатов *белый* и *некрещеный* стала предметом внимания современных исследователей, отмечающих, что наряду с географическими факторами в возникновении цветовых обозначений участвует и религиозный. По поводу рассмотренного нами случая можно констатировать существование определенной литературной традиции, обусловившей использование указанных предикатов в едином контексте. Как отмечает Р. А. Агеева, у Константина Багрянородного засвидетельствовано “церковное использование эпитета *белый* по отношению к некрещеным частям славянского населения”⁴³.

⁴¹ Бибииков М. В. *Архаизация в византийской этнонимии. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология*. Отв. ред. Л. А. Гиндин. Москва 1984, с. 34.

⁴² Литаврин Г. Г. *Некоторые особенности этнонимов...*, с. 215.

⁴³ Агеева Р. А. *Страны и народы...*, с. 147. См. также: Иванов В. В. *Цветовая символика...*, с. 163-164.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что и при таком объяснении названий “белые хорваты” и “Белая Хорватия” их следует признать искусственными новообразованиями, поскольку они опять-таки не связаны со славянской этноязыковой средой, а возникли в иной культурной традиции.

Заметим, что для литературного творчества Константина Багрянородного характерно столь же вольное обращение с “варварскими” (и в частности славянскими) этническими названиями, как и для других его собратьев по перу. Примером может служить аналогичное по форме название “Великая Сербия”. Найти историческое соответствие для подобного образования не удастся, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки. Как считал в свое время Л. Нидерле, опираясь в основном на данные письменных источников: “Константин создал северную Великую Сербию лишь как *folii* к традиции о Великой Хорватии”⁴⁴. К такому же мнению пришел недавно и В. В. Седов, изучив современные археологические материалы⁴⁵.

4. Белые хорваты и хорутане Повести временных лет

Нам могут возразить, что этноним “белые хорваты” помимо труда Константина встречается еще и в аутентичном славянском источнике – Повести временных лет. Во вступительной части древнейшей русской летописи после рассказа о разделении стран между сыновьями Ноя помещено следующее известие:

“Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравя; а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы и хорутане”⁴⁶.

---

⁴⁴ Нидерле Л. *Славянские древности...*, с. 78.

⁴⁵ Седов В.В. *Славяне: Историко-археологическое исследование*. Москва 2002, с. 495-496.

⁴⁶ *Повесть временных лет*. Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. испр. и доп. подг. М.Б. Свердлов. Санкт-Петербург 1996 (далее – *ПВЛ*), с. 144.

Прежде всего, необходимо выяснить, каково происхождение данного летописного сообщения. Согласно гипотезе А. А. Шахматова, это и другие известия, составляющие недатированную вводную часть Повести временных лет, были написаны Нестором в начале XII в., – они отсутствовали в предшествующем по времени созданию Начальном своде 1093–1095 гг., где повествование начиналось с рассказа об основании Киева⁴⁷.

Перерабатывая Начальный свод, Нестор углубил и расширил историографическую основу русского летописания. История славян и Руси стала рассматриваться на фоне всемирной истории, было определено место славян среди других народов, возводивших своих прародителей к потомкам легендарного Ноя. Тем самым, русская история вводилась в рамки традиционной христианской историографии⁴⁸.

Повествуя о происхождении и древнейшей истории славянских племен, определяя границы исконно славянских земель и территорий, где впоследствии они расселились, Нестор обращался к давно прошедшему историческому периоду, отделенному от него самого многими столетиями и сообщал сведения о событиях, происходивших далеко за пределами Киева и Русской земли. Следовательно, составить свое повествование русский летописец мог только на основании данных авторитетных источников, содержащих интересовавшие его сведения. Таковыми источниками в Древней Руси были, прежде всего, византийские исторические сочинения и восходящие к ним ранние западно- и южнославянские произведения.

Различные сведения о славянах и отдельных славянских племенах содержатся в многочисленных исторических хрониках Византии, в том числе и тех, использование которых составителем Повести временных лет не вызывает сомнений, – Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Продолжателя Феофана и др.⁴⁹

---

⁴⁷ См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. *Шахматов А.А. История русского летописания*. Санкт-Петербург 2002, т. 1, ч. 1.

⁴⁸ Творогов О.В. Повесть временных лет. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Ленинград 1987, с. 339.

⁴⁹ См.: Бибииков М.В. *Историческая литература Византии*. Москва 1998, с. 171-180.

Исследования начального русского летописания показывают, что при составлении историко-этнографического введения Повести были обобщены сведения Хроники Георгия Амартола и западно-или южнославянских хронографов, так или иначе с ней связанных, – Болгарского Хронографа (однородного с Еллинским летописцем) или Хронографа по великому изложению. Византийское происхождение имеют, например, тексты, непосредственно предшествующие сообщению о расселении славян с Дуная и связанные с ним общей композицией. Рассказ о вавилонском столпотворении частично заимствован из Хроники Георгия Амартола, а сообщение о разделении на 72 языка потомков Ноя соответствует полному списку этих народов в русской Толковой палее, очевидно имевшей в данном случае общий источник с Повестью временных лет⁵⁰.

Общепризнанным считается компилятивный характер недатированного вступления к Повести, неоднократно отмечались не только его композиционная пестрота, но и несовместимость многих элементов⁵¹. Сообщение о расселении славян с Дуная большинство исследователей относит к так называемому Сказанию о славянской грамоте (Сказание о предложении книг на славянский язык) – еще одному предполагаемому источнику начальной части Повести временных лет⁵². Основной текст этого памятника помещен в статье 6406 (898) года, но и в недатированной части имеются многочисленные заимствования из него.

Как видим, в работе над вводной частью летописи Нестор действовал методом компиляции, составляя свое полотно подобно

---

⁵⁰ Лихачев Д. Комментарий. ПВЛ, с. 385.

⁵¹ См.: Рыбаков Б. А. *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. Москва 1963, с. 219-247; Кузьмин А. Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. Москва 1977, с. 297-326.

⁵² Шахматов А. А. Сказание о предложении книг на словенский язык. *Jagić – Festschrift*. Berlin 1908; Петров А.Н. К летописному Сказанию о славянской грамоте. *Известия Отделения русского языка и словесности РАН*. Санкт-Петербург 1908, т. 13, кн. 1; Львов А.С. “Сказание о предложении книг на словенский язык” – сочинение русского книжника. *Известия Академии Наук СССР. Сер. литературы и языка*. 1968, т. 27, вып. 1; Мечев К. За происхода на староруския летописен разказ “Сказание о предложении книг”. *Исторически преглед*. София 1974, № 2; Moszyński L. Skazanie o prielozenii knig. *SSS*, 1975, с. 5; Флоря Б.Н. Сказание о предложении книг на славянский язык: источники, время и место написания. *Byzantinoslavica*. Praha 1985, т. 46, № 1.

мозаике из отдельных небольших фрагментов, извлеченных из разных источников в той мере, в какой это отвечало выполнению его общего авторского замысла. Интересующий нас текст, содержащий упоминание о белых хорватах, заимствован из западнославянского источника, который в свою очередь также не был однородным по составу. Исследователи видят в Сказании о преложении книг несколько различающихся по содержанию частей⁵³, усматривают следы великоморавского происхождения и последующей болгарской обработки памятника⁵⁴ и даже выделяют в нем особую Повесть о поселении славян на Дунае и нашествиях угров, относящуюся к моравско-чешской традиции X века.⁵⁵

Кроме того, в окончательной редакции Повести временных лет текст Сказания имеет еще одну особенность. На одном из этапов доработки в него вошли новые локальные дополнения, имеющие византийское происхождение. По выражению А. Г. Кузьмина, “Сказание и смежные с ним летописные тексты как бы прошиты заимствованиями из византийских хроник”⁵⁶.

Интересующее нас известие о расселении славян с Дуная как раз обнаруживает такой сложный характер. Оно состоит как бы из нескольких фрагментов, каждый из которых имеет самостоятельное значение. Об этом свидетельствует и недостаточная смысловая согласованность отдельных частей при сведении их в единое целое.

Упоминание о белых хорватах содержит фраза, замыкающая рассказ. “А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы и хорутане”. Начинает же его летописец с объяснения, что, разойдясь с Дуная, славяне “прозвались именами своими от мест, на которых сели”; но, так и не доведя этой мысли до конца, ограничивается только одним примером: “одни, придя, сели на реке именем Моравы и прозвались моравы”. В дальнейшем летописец вернется еще к этой теме и проиллюстрирует свое наблюдение новыми примерами,

---

⁵³ Рыбаков Б.А. *Древняя Русь*, с. 222-236.

⁵⁴ Авенариус А. Ранние славяне в Среднем Подунавье: Автохтонная теория в свете современных исследований. *Славяноведение*, 1993, № 2.

⁵⁵ Свердлов М.Б. К изучению моравских исторических произведений в составе “Повести временных лет”. *Феодальная Россия: новые исследования*. Санкт-Петербург 1993.

⁵⁶ Кузьмин А. Г. *Начальные этапы...*, с. 314.

касающимися названий восточных славян. Но пока он вынужден прерваться на полпути, поскольку имеющиеся у него разнородные данные не позволяли выстроить безупречную логическую последовательность.

О разнородности используемых летописцем источников, данные которых он пытался привести в соответствие, может свидетельствовать и тот факт, что в одном рассказе соединились сведения из истории разных славянских народов – западных и южных, причем сведения о последних (белых хорватах, сербах и хорутанах) логически отделены от первых и оформлены в виде особого дополнения.

Отмеченная особенность текста известия о расселении славян с Дуная давно привлекла внимание исследователей, видевших здесь следы работы нескольких авторов или редакторов, пользовавшихся разными источниками. Фраза “А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы и хорутане” справедливо считается позднейшей вставкой. Она, как и помещенное далее известие о поселении славян на Висле, образовавших ляшскую группу западнославянских племен, разрушает целостность первоначального текста о расселении славян в Подунавье и нашествии волохов.

Известия о белых хорватах, сербах, хорутанах и ляшских племенах идейно чужды рассказу о дунайских славянах, поскольку “не раскрываются в тексте, подобно мораванам, как иллюстрация новых племенных названий по занимаемым землям. “Ляхи”, которые “сели на Висле”, даже противоречат этому правилу, не став “вислянами”. Эти славянские народы не связаны с контекстом рассказа, и территориально они находятся вне Подунавья. Поэтому данные записи можно рассматривать как более поздние интерполяции”, – заключает новейший исследователь вопроса М.Б. Свердлов⁵⁷.

Следует обратить внимание и на еще один важный факт, не получивший пока должной оценки. Из трех приведенных здесь южнославянских этнонимов два – “белые хорваты” и “хорутане” – уникальны для Повести временных лет и более нигде не встречаются (хотя собственно о хорватах, как и сербах, она говорит неоднократно).

---

⁵⁷ Свердлов М. Б. *К изучению моравских исторических произведений...*, с. 19.

Не знают подобных этнонимов (кроме упомянутого здесь случая) и другие русские летописи, как древние (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская Первая), так и более поздние (Никоновская, Воскресенская и др.).

Зато термин “хорутане”, а точнее его западноевропейский эквивалент “картане”, хорошо известен в европейской средневековой традиции. В трактате “Обращение баваров и картанцев”, написанном в Зальцбурге в 870 или 871 г., термин “Carantani” неоднократно и последовательно употребляется как этноним, обозначающий особый славянский этнос, заселявший пространство между Баварией и Нижней Паннонией⁵⁸.

“Картанцами” в Европе называли альпийских славян, которые в первой половине VII в. создали свое государственное образование. Его центром стал город Картан (в районе современного Карнбурга близ Клагенфурта). Независимое Картанское княжество просуществовало более ста лет, но в середине VIII в. оказывалось под властью франков. С этого времени начинается христианизация славянского населения миссионерами из Баварии и Италии. С 811 г. земли Картансии к северу от Дравы отошли под юрисдикцию Зальцбургского архиепископства, а южные области – Аквилейского патриархата⁵⁹.

В 820-х годах Картансия оказалась в составе империи Каролингов под властью баварских графов. Вследствие этого уже в конце IX в. термин “картанни” теряет этническое значение и становится хоронимом, обозначающим территориальную общность. В славянской среде это название не прижилось. Потомками альпийских славян ныне являются словенцы, становление языка которых восходит к периоду Картанского княжества⁶⁰.

Важно подчеркнуть, что встречающиеся в европейских средневековых источниках названия Carantani, Carentani, Carentini, Carnii, Carniolenses, Carnia, Carniola, Carantania связаны с возрождением античной традиции, в то время как исконные названия славян, живущих между Альпами, Дунаем, Дравой и Истрией, в

⁵⁸ Vilfan S. *Rechtsgeschichte der Slowenen*. Graz 1968, s. 40.

⁵⁹ Grafenauer B. *Zgodovina slovenskega naroda*. Ljubljana 1978, zv. 1, s. 347-359.

⁶⁰ Седов В. В. *Славяне в раннем средневековье*, с. 280-282.

древних источниках зафиксированы в формах *Scravi*, *Scravani*, а страна их *Scravina*⁶¹.

Таким образом, попавший в Повесть временных лет этноним “хорутане” был связан с европейской средневековой традицией. Этот термин не только не прижился в славянской среде, но к XII в. (времени составления летописи) уже вообще вышел из употребления в качестве этнонима. Кроме того, форма “хорутане” известна только в древнерусском языке и в других славянских языках вообще не встречается. Она могла быть образована непосредственно от др.-верх.-нем. *Charanta* из ср.-лат. *Carantani* – ‘жители Каринтии’, известного с VII века.⁶²

Значит, в Повесть временных лет выражение “хорутане” должно было попасть из западноевропейского письменного источника, продолжающего традиции античной географической и этнической номенклатуры. Тот факт, что данное название не зафиксировано в известных ныне памятниках западно- или южнославянской письменности, заставляет предполагать, что оно было воспринято древнерусским книжником непосредственно из европейской традиции, т. е. было заимствовано составителем Повести временных лет из известного ему европейского источника или его древнерусского перевода. Таковым же, скорее всего, могло стать какое-нибудь византийское историческое сочинение, отразившее в части славянской этнической номенклатуры влияние латинской и, возможно, германской традиции.

Как бы то ни было, но сам факт наличия в одном и том же летописном известии о расселении славян с Дуная, точнее говоря, в перечне южнославянских народов, состоящем лишь из трех названий, сразу двух этнических терминов, нигде более в древнерусских памятниках не встречающихся и не находящихся параллелей в западно- и южнославянских языках, может свидетельствовать о неславянском происхождении соответствующего пассажа. А наличие здесь этнонима “белые хорваты”, встречающегося в такой форме только у Константина Багряно-

---

⁶¹ См.: Kos Fr. *Gradivo za zgodovino Slovencev*. Ljubljana 1903, zv. 1, s. 390-391; Ljubljana 1906, zv. 2, s. 451, 455, 491; Niederle L. *Slovanské starožitnosti*. Praha 1906, d. 2, sv. 1.

⁶² Фасмер М. *Этимологический словарь...*, т. 4, с. 269.

родного, заставляет предполагать общее византийское происхождение обоих терминов, а возможно и всего отрывка о расселении южных славян.

5. Традиция о Белой и Червонной Хорватиях в Далмации

Мы не можем оставить в стороне еще одно упоминания о Белой Хорватии, сохранившееся в так называемой Дуклянской летописи (Летописи попа Дуклянина). Этот своеобразный памятник, составленный по-латыни, приписывается анонимному пресвитеру из города Бара, жившему во второй половине XII в., и иногда именуется также “Барским родословием”.

В X–XII вв. в приморском княжестве Дукля сложился один из древнейших центров сербской литературы (Сборник попа Драголя и др.). Однако именно здесь распространение идущей из византийского мира славянской письменной традиции столкнулось с противодействием латинской культуры, исходившим из романизованных центров Адриатического побережья, одним из которых и был город Бар. Латинское влияние здесь еще больше усилилось в результате стремления Византии подчинить своей власти всех балканских славян. Дуклянские правители, возглавившие борьбу против византийского владычества, искали поддержки в Риме и рассчитывали с его помощью подчинить все сербские земли архиепископской кафедре в Баре. Не удивительно, что возникшие здесь оригинальные сербские сочинения дошли до нас на латинском языке⁶³.

Созданная в такой исторической обстановке примерно в 1150–1170-х годах Летопись попа Дуклянина выражает стремление своего автора (или авторов) подчеркнуть особые, “законные” права Дуклянского “королевства” и его династии на власть над всеми сербскими областями и княжествами. Стараясь обосновать “верховенство” правителей Дукли над их соперниками – жупанами Рашки и другими князьями, – автор апеллирует к воображаемой генеалогии их предков, возводимых к древним королям готов и

---

⁶³ Гаврюшина Л.К. Зарождение сербской и хорватской литературы. *Очерки истории культуры славян*. [Вып. 1.] Москва 1996, с. 343-345.

хорватов. Государственно-правовые идеи летописи сочетаются с тезисом об особых правах Барской архиепископии⁶⁴.

В географической номенклатуре Дуклянина присутствуют названия “Белая” и “Червонная Хорватия”. Летописец разделяет территорию северо-западной части Балкан на две области: “Маритимия” (Maritima), иначе называемая “Приморьем” и “Трансмонтания” (Transmontana) или “Загорье”. При этом первая область, называемая также “Хорватия”, делится в свою очередь на “Хорватию Белую” или “Нижнюю” (Дольную) (Croatia Alba, que et inferior Dalmatia dicitur), в границах от Винодола до Дуваньского Поля (Дувно), а также на “Хорватию Червонную” или “Верхнюю” (Горскую) (Croatia Rubea, que et superior Dalmatia dicitur), от Дуваньского Поля до Драча. Совершение этого деления Дуклянин приписывает королю Будимиру-Святоплуку⁶⁵.

По поводу этого сообщения в литературе высказываются самые противоречивые мнения. Хорватские ученые в основном считают его достоверным. Оно может отражать события конца IX в., когда у хорватов происходил процесс формирования административно-политического устройства в правление Мутимира и Томислава. Белая Хорватия была главным центром формирующегося хорватского государства, и, начиная со времени княжения Борны и Владислава, с ее территории происходила экспансия на земли соседних славянских племен. Картография далматинских древностей IX – X вв. убедительно показывает преобладание Белой Хорватии над другими областями восточного побережья Адриатики с точки зрения культурного развития и населенности территории. В ее пределах находились важнейшие далматинские города, признававшие власть хорватских князей: Нин, Задар, Трогир и Сплит⁶⁶.

Однако большинство европейских историков скептически относится к сообщению Дуклянкой летописи о двух Хорватиях в

⁶⁴ Банашевић Н. *Летопис пона Дукљанина и народна предања*. Београд 1971, с. 263-268; Havlík L. *Dukljanská kronika a Dalmatská legenda*. Praha 1976.

⁶⁵ Шишин Ф. *Летопис пона Дукљанина*. Београд 1928, с. 16-18.

⁶⁶ Klaić V. *Povjest Hrvata od najstarijih vremena do svršetka IX stoljeća*. Zagreb 1899, t. 1, s. 48; Šišić F. *Geschichte der Kroaten*. Zagreb, 1917, t. 1, s. 109-114, 175; Novak Gr. *Prošlost Dalmacije*. Zagreb 1944, s. 95; *Historija Naroda Jugoslavije*. Zagreb 1953, t. 1, s. 241-242, 254.

Далмации и попросту их игнорирует. Дело в том, что если следовать указаниям этого источника, то окажется, что территория Верхней Далмации, где дуклянский пресвитер помещает Червонную Хорватию, совпадает с исторической областью Зета или Дукля (Диоклея), которая собственно хорватам никогда не принадлежала. С VII в. эта область была заселена сербским племенем дуклян, создавшим в IX в. свое княжество Дукля, в конце того же века завоеванное Византией. В конце X – XI вв. дуклянская государственная традиция оказалась самой сильной у сербов, она единственная пережила уничтожение Первого Болгарского царства и установление византийской власти почти над всеми Балканами⁶⁷.

Чтобы как то примирить сведения Дуклянской летописи с данными других источников, некоторые исследователи, опираясь главным образом на данные топонимики, предполагали, что область между Дувном и Баром до периода правления Неманичей (кон. XII в. – 1366) могла носить название Червонной Хорватии и, по крайней мере, до середины X в. образовывала с Белой Хорватией единое государство⁶⁸; или что между сербами-дуклянами было определенное число родов, которые называли себя хорватами⁶⁹; или же, наконец, хорваты в ранний период своей истории были преобладающим племенем в Дукле и даже во времена Константина Багрянородного численно еще превосходили дуклянских сербов, поскольку последний не причислил дуклян к сербским племенам⁷⁰.

Но все это – не более чем догадки, строящиеся на умозрительных предположениях. Можно констатировать, что проблема

---

⁶⁷ См.: Грачев В. П. *Сербская государственности в X – XIV вв.* Москва 1972; Динић М. *Српске земље у средњем веку: Историјско-географске студије.* Београд 1978; *Историја српског народа.* Београд 1981, т. 1; Наумов Е. П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности. *Раннефеодальные государства на Балканах VI – XII вв.* Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва 1985; Ракова С., Матанов Х. Процессы государственного развития у хорватов и сербов в IX – XII вв. *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.)* Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва 1991.

⁶⁸ Klaić V. *Povjest Hrvata...*, т. 1, s. 48.

⁶⁹ Šišić F. *Geschichte der Kroaten...*, т. 1, s. 109-114;

⁷⁰ Hauptmann Lj. Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva Dubrovačkog zalada. *Rešetarov zbornik.* Dubrovnik, 1931, s. 17-31.

Белой и Червонной Хорватий Дуклянской летописи не находит удовлетворительного решения.

Как известно, Летопись Дуклянина, подобно другим памятникам средневековой славянской историографии, была создана под сильным влиянием византийской политической и литературной традиции. Высказывалось мнение, что ее текст и в дальнейшем подвергался обработке византийских справщиков. На каком-то этапе переработки летописи термин “хорваты” для дуклян был употреблен вместо “сербы” как его своеобразный синоним⁷¹. Если так, то названия “Белая” и “Червонная Хорвания” могли быть связаны не столько со славянской, сколько с византийской номенклатурой. В производстве этих названий свою роль могла сыграть та же традиция, которая нашла отражение и в трактате Константина Багрянородного. Но эта традиция, как мы видели, не имела ничего общего с подлинной славянской этнической терминологией и существовала параллельно с ней как искусственно созданное литературное новообразование.

Такой вывод подтверждается и результатами современных исследований в области типологии цветовой символики географических названий. На основании изучения балто-славянских древностей В.В. Иванов отмечает, что в общей балто-славянской цветовой символике в качестве основных, прежде всего, выступают два цвета – белый и черный, иногда к ним добавляется желтый, но исключается красный. Формирование символической системы из трех цветов с участием красного цвета в балто-славянской среде может восприниматься как косвенное продолжение индоевропейских цветовых триад⁷².

Для нашего исследования сказанное важно в том отношении, что дает основание заключить: в славянской географической и этнополитической номенклатуре наиболее характерными системами цветовых обозначений являются парные противополо-

---

⁷¹ Радојчић Н. 1) Како су називали Србе и Хрвате византиски историци XI и XII века Јован Скилица, Никифор Вриеније и Јован Зонара? *Гласник Скопског научног друштва*. Скопље 1927, књ. 2, св. 1.

⁷² Иванов В. В. *Цветовая символика..*, с. 177.

ложности с участием белого и черного цветов. Более сложные трехчленные системы, особенно те, где в качестве третьего компонента выступает красный цвет, могли возникнуть в результате воспроизведения или восприятия иной, более древней и универсальной традиции. Надо думать, что “Червоная Хорватия” Дуклианской летописи должна относиться к фактам такого рода.

6. О достоверности хорватских этнических названий с предикатом *великий*

Итак, сделанные наблюдения ведут нас к общему выводу о том, что достоверными названиями хорватских племен и занимаемой ими страны, возникшими в славянской этноязыковой среде, следует считать названия, образованные с помощью предикатов *великий* и *великая* – “великие хорваты” и “Великая Хорватия”. И хотя в древних славянских источниках подобные формы не зафиксированы, мы располагаем достаточными данными для того, чтобы обосновать возможность их возникновения в славянской культурно-языковой среде и признать подлинными славянскими названиями.

Выше уже приводились некоторые лингвистические параллели, устанавливающие возможность производства греч. *βελο* от древних слав. форм *velijь*, *velii*, дольше всего сохранявшихся в языках южных славян и закрепившихся в южнославянской топонимике, равно как и наличие семантических корреляций понятий *большой/великий* и *старый/старший*, прослеживающихся во многих индоевропейских языках. Добавим к этому, что производство этнических и географических названий с помощью предикатов *великий* и *великие* – один из наиболее распространенных способов образования названий у славянских и других европейских народов. Укажем только на самые известные примеры: *Великая Моравия*, *Великая Польша (Великопольша)*, *Великая Болгария*, *Великая Русь (Великороссия)*, *Великая Греция*, *Великая Венгрия*.

Основным значением предиката *великий* в подобных названиях является не численность народа или размеры принадлежащей ему территории (эти характеристики в данном случае, по-видимому, вообще не учитываются), а возрастное старшинство,

древность соответствующего этнополитического или географического образования по отношению к его непосредственным преемникам или каким-то иным обособившимся частям, сохраняющим то же название и ту же культурно-историческую традицию в новых, изменившихся условиях.

К этой практике восходит, например, наименование “Великая Польша” (*Polonia Maior*), в данной форме впервые встречающееся под 1257 г. Как показывают специальные исследования, название “Великая Польша” соответствует понятиям *старшая, (наи)важнейшая часть Польши* по отношению к другой исторически сложившейся территориальной общности – “Малой Польше”⁷³.

Составные этнотерриториальные названия с локативом “великий(-ая)” могут обозначать область прародины, уже покинутую народом или его основной частью. Таким названием является хороним “Великая Болгария (Булгария)”, обозначающий страну, где проживали предки дунайских болгар. Это название зафиксировано в византийских исторических сочинениях. Так, в “Хронографии” Феофана Исповедника (нач. IX в.) читаем:

“...от этого озера [Меотиды] до реки, называемой Куфис (Кубань. – А. М.), где ловится болгарская рыба ксисстон, находятся старая Великая Болгария и так называемые котраги (кутригуры. – А. М.), являющиеся также их единоплеменниками”⁷⁴.

Приведенный отрывок хорошо иллюстрирует связь понятий *великий* и *старый* применительно к этнополитической терминологии. “Старая Великая Болгария”, как ее называет византийский источник – это возникшее в 30-х годах VII в. в Северном Приазовье объединение протоболгар, возглавляемое вождем уногундулов Кубратом. Великая Болгария была первым политическим объединением, предшествовавшим образованию Болгарского государства к югу от Дуная. После смерти Кубрата она распалась под ударами хазар и в прежнем виде и на прежней территории больше не возродилась⁷⁵.

⁷³ SSS. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1980, t. 3, s. 440.

⁷⁴ *Свод древнейших письменных известий о славянах* (далее – СДПИС). Т. 2. (VII–IX вв.). Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва 1995, с. 275.

⁷⁵ Литаврин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.). *Раннефеодальные государства на Балканах VII – XII вв.* Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва 1985, с. 137; Тыпкова-

Аналогичный пример находим в истории еще одного центрально-европейского этноса – венгров. До начала своего переселения на запад, в Паннонию, венгры жили в стране, именуемой позднее (в источниках XIII в.) “Великая Венгрия” (Magna Hungaria). В эпоху средневековья среди них бытовало представление, что находящаяся далеко на востоке Великая Венгрия является родиной венгров, и там живет население, говорящее на диалектах, близких к венгерским⁷⁶.

Незадолго до монгольского нашествия на Восточную Европу, в 1235–1236 гг., венгерский монах-доминиканец Юлиан предпринял путешествие с целью найти своих соплеменников, оставшихся в Великой Венгрии, и крестить их. Юлиан отыскал таковых близ реки Итиль (Волга), в двух днях пути от какого-то большого булгарского города, и убедился, что они сохранили предание о переселении отсюда основной массы венгров⁷⁷. Совершившие уже после Батыева нашествия путешествие в Восточную Европу папские эмиссары Плано Карпини и Рубрук (соответственно в 1246 и 1253 гг.), отождествляли с Великой Венгрией Башкирию⁷⁸.

Связь понятий *великий* и *старый*, проявившаяся в производстве этнических названий, подтверждается примерами восточнославянской социально-политической традиции и терминологии. По данным В.В. Колесова, подобная связь четко просматривается в древнерусском языке периода Киевской Руси. Издревле величие индивида в смысле его превосходства над другими в общественно-значимых делах определялось возрастом. Об одном и том же человеке могли сказать *великий* и *старейший* (муж)⁷⁹.

Займова В. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в 7–9 вв. *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне 6–12 вв.)*. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва 1991, с. 44.

⁷⁶ Fodor I. Ou le dominicain Julien de Hongrie retrouva les Hongrois de l'Est? *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest 1977, p. 9-20.

⁷⁷ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах в Восточной Европе. *Исторический архив*. Москва; Ленинград 1940, т. 3, с. 81.

⁷⁸ *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва 1957, с. 48, 57, 72.

⁷⁹ См.: Колесов В. В. *Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека*. Санкт-Петербург 2000, с. 188-190.

Эта же связь понятий отражена в титуле “великий князь”, известном также со времен Киевской Руси. Вне зависимости от того, был ли упомянутый титул официальным или выполнял роль своего рода литературного эпитета, передававшего эмоциональное отношение к тому или иному князю и успехам его политики, этот титул выражал идею “старейшинства” в княжеской среде, – не столько главенства и власти, сколько авторитета старшинства по возрасту, связанного с древними традициями почитания старости. Связь понятий *великий* и *старый/старший*, закрепленная в титуле “великий князь”, не страдала и в тех случаях, когда предполагаемое “старейшинство” князя было мнимым, не отражало его реального возрастного и генеалогического старшинства в княжеском роде, а было лишь следствием личного честолюбия и политических амбиций. Такое положение не изменилось и после падения политического значения Киева и киевских князей, претендовавших на роль *старейших* = *великих*; в этом качестве их заменили *великие князья* владимирские⁸⁰.

Еще более тесная связь понятий *великий* и *старый/старший* закреплена в политической традиции южных славян в древнейший период их истории. Об этом можно судить по своеобразному способу производства собственных имен древних славянских князей путем превращения в антропонимы частей княжеского титула. Такой способ зафиксирован в именах “князя сорбов” Дервана и “князя винидов” Валлука, известных по Хронике Фредегара: “*Dervanus dux gente Surbiorum*”; “*cum Wallucum ducem Winedorum*”⁸¹. По мнению Г. Кунстманна, имя “Дерван” производится от эпитета **dervънь* – ‘старый, старший’, а имя “Валлук” – от эпитета **velькъ* – ‘великий, старший’; оба они, возможно, входили в состав княжеского титула, один из вариантов которого мог первоначально иметь вид: *Wallucus dux = velькъ dux*⁸².

⁸⁰ Poppe A. 1) O tytule wielkoksiążęcym na Rusi. *Przegląd historyczny*. Warszawa 1984, t. 75, z. 3; 2) Words that Serve the Authority: On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus’. *Acta Poloniae Historica*. Warszawa 1989, 60.

⁸¹ СДПИС, т. 2, с. 368, 370.

⁸² См.: Kunstmann H. 1) Samo, Dervanus und der Slovenenfürst Wallucus. *Die Welt der Slaven*. München 1980, jg. 25, hft. 1; 2) Über die Herkunft Samos. *Ibid*, jg. 25, hft. 2.